

К 100-летию со дня рождения А. С. Грина

Писатель А. С. Грин прошел тяжелую школу жизни в дореволюционной России. Он родился 23 августа 1880 года в гор. Слободском Вятской губернии. Шестнадцати лет он уходит «в люди». Был матросом, рабочим, рыбаком, золотоискателем, лесорубом, солдатом. Много скитался: Одесса, Баку, Севастополь, средняя полоса, Поволжье, Урал, Сибирь. Всего 52 года прожил он.

Свой литературный путь Грин начал в 1906 году, создав за четверть века писательской работы более 400 произведений. Творческое наследие не собрано полностью до сих пор. Большая часть его — это романтические произведения. Но наряду с этим у него есть немало реалистических вещей, к которым он обращался в течение всей жизни. Большая часть этих рассказов Грина не переиздавалась, не изучалась она и критикой и фактически забыта. А между тем они представляют большой интерес. Без их изучения нельзя составить полного представления о творчестве Александра Грина.

Опубликованные до революции в малоизвестных журналах, они не входили ни в собрание сочинений, ни в отдельные сборники писателя. Поэтому нашему современнику они малоизвестны. Написанные живо, в типично гриновской манере, эти рассказы, несомненно, представляют интерес для читателей.

Поднявший алый парус

НАД БЕЗДНОЙ

Однажды, идя пешком из Дурбасска в Вард, я встречал, т. е. нагнал широкоплечего, мрачного, седого человека. Лицо его, изрытое морщинами, ветрами и страстями, показалось мне интересным. Мы шли вместе, разговаривая о политике и войне. Под склоном горы за поворотом дороги открылся великолепный вид на цветущие фруктовые сады. Мой спутник по имени Калхас вдруг задрожал, закрыв руками лицо, и остановился.

— Что с вами? — спросил я.

— Я не могу идти этими садами, — сказал он с испугом в глазах, — поищем другой дороги. — И в ответ на мое удивление рассказал следующее.

Калхас был в молодости морским пиратом. Годам к сорока, сколотив грабежами ценные сокровища, решил он бросить опасное ремесло; так он и сделал. Его сокровища были зарыты в ему лишь одному известном месте.

После этого, войдя однажды в трактир «Черной Змеи», встретил он трех бывших своих матросов. Ничего не подозревая, сел он с ними попойничать и напился до бесчувствия.

Между тем матросы решили каким бы то ни было образом добиться от Калхаса того, чтобы он выдал им тайну местонахождения своих сокровищ. Когда Калхас очнулся, была ночь; он лежал связанный у костра, вокруг которого сидели его бывшие подчиненные. В немногих, жестоких и жадных словах объяснили матросы Калхасу, чего они хотят от него, угрожая смертью и пытками. Калхас упрямо и непреклонно отказывал им. Тогда, посоветовавшись, разбойники заявили, что придумали для него такую пытку: его поставят с связанными глазами и связанными руками на крошечный выступ скалы над бездонной пропастью. Так он будет стоять до тех пор, пока не откроет тайну или же от утомления и страха не потеряет равновесия и не упадет в бездну. Калхас проклял их и сказал: «Делайте, что хотите!» Ему завязали глаза, связали руки и потащили неизвестно куда. Затем злодеи остановились, прицепили Калхасу под мышки веревку и спустили его, ногами вниз, на крошечный, плоский выступ камня, только что хватавший для пары подошв. Затем веревка взвилась вверх.

Я знал, что подо мной бездна, рассказывал Калхас, что руки мои связаны, что я не могу даже, без опасности для жизни, переступить с одной ноги на другую. Спина моя упиралась в отвесную скалу, снизу доносилось сырое дыхание пропасти. Я ясно представлял, что значит упасть с неизмеримой высоты, и с головокружением и ужасом ожидал, что нервы мои не вынесут, тело покачается и сорвется.

Не знаю, сколько прошло времени, но я почувствовал, что не в силах выдержать дальше. Окликнув мерзавцев, я рассказал им, как отыскать сокровище. В этот момент небольшой камень выскользнул из-под моих ног; я пошатнулся и с диким ужасом в сердце полетел вниз без памяти и сознания.

Я очнулся, пытаюсь развязать руки. Я был жив, но не понимал, почему. С трудом освободив руки, я сорвал с глаз повязку... Я был в цветущем саду, у подножия скалы. Моя пропасть равнялась высоте моего роста и того небольшого камня, на который меня поставили; я же воображал бездну. С тех пор, я не выношу садов; их вид заставляет меня снова переживать смертный страх бездны.

ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

У Цезаря Керумини, улана 11-го королевского уланского полка, не было никаких привязанностей, кроме своей лошади, прекрасного белого жеребца, носившего красивое имя Снег. Керумини вообще любил лошадей, по отношению же к Снегу был, можно сказать, самым образцовым хозяином, другом и конюхом. Не говоря уже о том, что он ни разу не ударил своего жеребца, Керумини каждое воскресенье покупал ему на свои деньги несколько фунтов хлеба, которые тот сдержанно, но аппетитно истреблял, косясь на солдата призывательным черным глазом. Снег был вообще удивительной лошастью. Он чувствовал, например, приближение Керумини, когда тот еще лишь приближался к конюшне, и ржал, встряхивал белой гривой. На параде или учении он понимал команду, исполнял все маневры как разумное существо, и Керумини почти никогда не приходилось прибегать к принуждению.

В первый месяц войны с Австрией Керумини и еще два улана отправились на разведку. Была ночь, моросил дождь. Местность, по которой двигались разведчики, была неровным, изрытым промоинами и ямами полем. Снег уверенно обходил все препятствия, ни разу не споткнувшись и не колеблясь на поворотах. Было темно. Всадники приближались уже к лесу, под защитой которого намеревались продолжить путь, как вдруг ветер, дувший до сего им в затылок, резко переменяет направление, став встречным, и солдаты услышали совсем близко от себя топот полков. То был неприятельский разезд. В короткой перестрелке, после которой неприятель удалился, были убиты два товарища Керумини, а сам он, тяжело раненный, упал с лошади.

Снег отбежал в сторону, осторожно заржал, еще не понимая, в чем дело, затем подошел к солдату и обнюхал его. Керумини с трудом приподнялся, погладил морду лошади и прижался к ней холодным лицом. «Эх, Снег, Снег! — сказал он, — видишь, как все это скверно кончилось. Скоро я истеку кровью и умру». Лошадь, чуть хрюпая, прислушивалась не к словам, а к тону голоса, в котором звучали ноты, ранее ей неизвестные. Она чувствовала беду, видела, что Керумини подняться не может, и не понимала этого. Она смутно понимала, что в этом положении нужно присутствие людей.

Керумини закрыл глаза. Когда он открыл их, слезут жеребца уже не белел возле него во мраке, и солдат не поверил глазам. Он не ожидал такой низкой измены от Снега. Он надеялся, что жеребец не покинет его в смертный час и не убежит. С тяжелым вздохом Керумини попробовал повернуться и сесть, но тотчас замер от страшной боли в боку. Звезды гасли. Приближалось утро. Неясный топот раздался вдали, и в неясных сумерках рассвета Керумини увидел приближающегося всадника. То был железнодорожный сторож, сидевший верхом на Снеге.

— Он метался и скакал вокруг сторожки, — скажал сторож, — пока я не вышел. Он жалобно ржал. Он бежал вокруг меня, хватал зубами за рукава и сдержался. Тогда я сел на него, и он привел меня сюда, к вам. Крепитесь, я вам помогу сесть в седло и... здесь недалеко до станции. Все обойдется.

Когда сторож приподнял Керумини, Снег нервно лизнул хозяина в ухо и засеменял ногами от нетерпения.